

Екатерина Махотина

Jelena Subotić. Yellow Star, Red Star: Holocaust Remembrance after Communism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019. 264 pp. ISBN 978-1-5017-4240-8.

Екатерина Махотина, кафедра истории Восточной Европы, Боннского университета. Адрес для переписки: Universität Bonn, Geschichte Osteuropas, Adenauerallee 4-6, 53113, Bonn, Germany. emakhotina@uni-bonn.de.

Работа над текстом была поддержана грантом РНФ (Российский научный фонд) № 17-18-01589.

С помощью какого языка мы говорим о Холокосте, и какую функцию выполняет этот язык? На эти вопросы пытается дать ответы книга Елены Суботич «Yellow Star, Red Star: Holocaust Remembrance after Communism». На примере Сербии, Хорватии и Литвы автор показывает, как посткоммунистические страны выстраивали – и выстраивают по сей день – политику национальной идентичности на основе самосознания «жертвы», используя для этого визуальный язык памяти о Холокосте.

Исследование Суботич, профессора политологии в Университете штата Джорджия, будет полезно не только тем, кто занимается *memory studies* и *genocide studies*, но и всем стремящимся разобраться в причинах современных конфликтов памяти между Россией и странами Восточной Европы. Суботич показывает, что корни этих конфликтов лежат в изменении нарративов памяти в ходе посткоммунистической трансформации стран Восточной Европы. Весь этот регион отличается однородностью стратегий коммеморации: последние очень похожи, если не одинаковы. В свою очередь, Суботич рассматривает не только государственную историческую политику, но и общественные, церковные и научные дискурсы. В фокусе ее исследования – музеефикация Холокоста и коммунистического террора с 1990-х годов. На примере музеев, мемориалов и выставок Суботич показывает, как нарративы смешивались друг с другом, целенаправленно выстраивая иерархию «жертв» и «палачей».

Во введении автор формулирует теоретические основы своей работы и ключевые исследовательские вопросы. Ее гипотеза выстраивается вокруг понятия онтологической неуверенности (*ontological insecurity*): именно неуверенность в собственной идентичности на фоне падения коммунизма способна объяснить манипулятивный подход к вопросам памяти (с. 10). Теоретической основой исследования выступили теории Майкла Ротберга о *конкурирующей памяти* (Rothberg 2009) и Джеффри Александера об исключенной из общего нарратива *травме Другого* (Alexander 2004). Как объясняет сама Суботич, апроприация памяти происходит, когда «память о Холокосте используется для увековечивания разного рода страданий, например страданий при коммунизме или страданий от этнического насилия, совершаемого другими группами» (с. 9).

Этот процесс является частью сознательной политики посткоммунистических правительств, которые «основывают свою современную легитимность на полном отрицании коммунизма и возрождении связи с докоммунистическим, мифически национально чистым и, прежде всего, этническим характером государств» (с. 9). Идеализируя национальное прошлое и демонизируя коммунизм не как социально-политическую, а как антинационалистическую идею, посткоммунистические государства создают негативный образ антифашистского сопротивления, представляя его как силу, борющуюся лишь за *одну из* тоталитарных властей. В свою очередь, очернение антифашизма – весьма сомнительный момент для выстраивания общей европейской культуры памяти, ведь, как пишет Суботич, вместе с дискредитацией антифашистов возвеличиваются и идеализируются фашисты.

В первой главе автор рассматривает путь коммеморативной интеграции стран Восточной Европы в Евросоюз и трансатлантическое политическое пространство. Нарратив о Холокосте стал интегрирующим элементом, что на практике выразилось в создании институтов, музеев, мемориалов, а также во включении восточно-европейских государств в международные программы, такие как International Holocaust Research Association (IHRA). Одновременно стали развиваться и нарративы о преступлениях коммунизма. Так, в этой главе Суботич рассматривает весь регион Восточной Европы, тем самым контекстуализируя более детальный анализ кейсов Сербии, Хорватии и Литвы.

Уравнивание коммунизма и нацизма, а также апроприация языка и образов Холокоста для делигитимации коммунизма – не только постюгославский феномен. Суботич приводит яркие примеры Дома террора и Мемориала жертвам немецкой оккупации в Будапеште. Так, венгерская историческая память интегрировала Холокост скорее в знак лояльности Евросоюзу и рассматривает его лишь как одно из событий в истории тоталитарных преступлений XX века. Столь же неоднозначна ситуация в Польше, где был ликвидирован гданьский музей Второй мировой войны, а Аушвиц ставится на одну ступень с Катынью. Стратегии исторической политики в отношении Холокоста варьируются от апроприации, маргинализации и искажения до отрицания.

Во второй главе Суботич рассматривает случай Сербии. Концентрационный лагерь Землин, где весной 1942 года были убиты все сербские евреи, занимает в транснациональной памяти о Холокосте столь же значимое место, что и Треблинка, Хелмно, Майданек. Именно здесь началась радикализация террора над евреями, их массовое уничтожение: уже весной 1942 года Сербия была «юденфрай». Однако на национальном уровне эта память оказалась исключена из общественного пространства: на месте бывшего лагеря сегодня фитнес-клуб и ресторан – «гротескное “место забвения”» (с. 4), по определению автора.

Самым ярким примером использования визуального канона Холокоста в репрезентации преступлений коммунизма является, по мнению Суботич, открытая в 2014 году выставка о преступлениях коммунизма, где в качестве иллюстрации лагеря для политических заключенных была использована фотография Гарри Миллера из лагеря Бухенвальд – каноническая в визуальной памяти о жертвах Холо-

коста.¹ «Сербы, как евреи» или «сербы, которые страдали даже больше, чем евреи» – все это стало нарративной рамкой для национальной мобилизации в Сербии 1990-х годов. В 1992 году был учрежден Музей жертв геноцида, однако речь здесь шла не о Холокосте, а о терроре хорватов над сербским населением во время войны, о «беспрецедентном страдании» (с. 67). Так, историческая политика современной Сербии сфокусирована на конфликте с Хорватией, что позволяет Суботич применить метафору «хорватизации» памяти о Холокосте. Значительную роль здесь играет место памяти Ясеновац – лагерь «Усташи»² на территории современной Хорватии, фигурирующий в медиадискурсе как «югославский Аушвиц». Сербские власти используют международные дни памяти о жертвах национал-социализма для привлечения внешнеполитического внимания к преступлениям хорватов над сербами.

Вместе с тем в первое посткоммунистическое десятилетие в целях «примирения» нации началась реабилитация «своих» коллаборационистов – националистической организации четников, – а реабилитация «жертв коммунизма» включала в себя также и реабилитацию нацистских преступников. Национализм стал организующим принципом для политики памяти в Сербии. Преступления коммунизма представляются более значительными, нежели преступления нацистов, а тема преступлений нацистов фокусируется на преступлениях хорватов (то есть не-немцев) над сербами (то есть не-евреями). Целью политики памяти здесь является смешивание памяти о Холокосте евреев Югославии с этнически сербскими жертвами хорватской «Усташи».

Ситуация в Хорватии, описанная в третьей главе, отличается от Сербии и Литвы прежде всего тем, что совершенные во время войны насилие и террор были организованы и практикованы хорватами с массовым участием местных властей и «Усташи» как массового движения, насчитывающего порядка 200 тысяч человек. Преступления над еврейским населением, сербами, а также синти и рома были особенно жестокими. Именно в Хорватии был единственный в своем роде концлагерь Сисак для детей, оторванных от родителей, в том числе и младенцев. Около 1600 детей умерло здесь от насилия и голода. Летом 1941 года евреи Хорватии и Боснии и Герцеговины были депортированы в лагеря, а те немногие оставшиеся сербы, синти и рома – в том числе и коммунисты – были уничтожены в массовых расстрелах недалеко от Загреба. В самом крупном хорватском лагере – концлагере Ясеновац – было убито 85 тысяч человек, из которых 13 тысяч – евреи, 16 тысяч – рома и 50 тысяч – сербы. В послевоенные десятилетия Ясеновац оказался в маргинальном положении: в югославской социалистической и интернационалистской политике идентичности не было места для памяти о межэтническом терроре одной части Югославии в отношении другой. Лишь в 1966 году на месте лагеря был установлен мемориал «Каменный цветок» (автор Богдан Богданович).

---

¹ Фото Гарри Миллера (апрель 1945, концлагерь Бухенвальд) см. здесь: <https://www.buchenwald.de/481>.

² «Усташи» (Ustaša) – профашистская организация, сотрудничавшая с немецкими нацистами и сыгравшая ключевую роль в преступлениях в ходе немецкой оккупации Югославии.

Распад Югославии повлек за собой радикальную декоммунизацию пространства, выразившуюся в том числе в сносе памятников коммунистам и борцам антифашистского сопротивления. «Усташи» была «декриминализована», а местечко Блайбург в Австрии, где летом 1944 года в боях с сербскими антифашистскими партизанами отступавшие отряды усташей были уничтожены, стало местом памяти геноцида хорватов, то есть насилия этнических *сербов* над этническими *хорватами*. Так, мемориал Ясеновац стал местом политической манипуляции, имеющим под собой внутри- и внешнеполитическую подоплеку: для хорватов он служит напоминанием о сербо-хорватских войнах, средством дискредитации коммунизма, а на международном уровне – сигнализирует о синхронизированности с западно-европейской памятью о Холокосте. Вся сложность и неоднозначность памяти редуцируется в целях манипуляции: стоит вспомнить слоган премьер-министра Иво Санадера «Антифашизм – да, коммунизм – нет», ставший ядром политики памяти в стремящейся к интеграции с Евросоюзом Хорватии (с. 134). Очевидно, что здесь отрицается ведущая роль коммунистов в сопротивлении нацизму.

Память о Холокосте в сегодняшней Хорватии присутствует, но без упоминания об участии хорватской «Усташи» в геноциде евреев. Члены «Усташи» и после вхождения в ЕС почитаются как герои и мученики, а их клич «*Za dom spremni!*» («За Родину – готовы!») стал не только лозунгом ветеранов сербо-хорватских войн, но и надписью на мемориальном памятнике жертвам югославских войн с хорватской стороны. Главная линия этой памяти, показывает Суботич, – преступления против хорватов, но никак не преступления, совершенные хорватами. В этой трактовке власть поддерживает католическая церковь и ультраправые организации.

В четвертой главе книги рассматривается развитие политики памяти в посткоммунистической Литве. Предваряя собственный анализ, Суботич рассматривает специфический исторический контекст оккупированной Литвы как части Рейхскомиссариата Остланд. На территории довоенной Литвы проживал самый большой процент еврейского населения востока Европы: культура литваков – местной подгруппы ашкеназских евреев – была всемирно известна и почитаема. Из всех оккупированных стран, именно евреев Литвы нацистский план массового уничтожения коснулся больше всего. Это связано как с общей динамикой войны против Советского Союза, так и с локальной спецификой литовского региона. Пережитый опыт сталинского террора после аннексии прибалтийских государств в 1940–1941 годах настроил литовское общество радикально антисоветски, причем вина за сталинские депортации переводилась на соседей – литовских евреев: между коммунизмом и еврейством ставился знак равенства. Современные исследователи Холокоста в Восточной Европе указывают на то, что литовцы оказали немцам административную и ресурсную поддержку в уничтожении евреев, что и привело к его огромным масштабам (Dieckmann 2011): 96 процентов евреев было уничтожено, и большинство из них – уже в первые месяцы войны.

В послевоенные годы этнические литовцы боролись против вернувшейся советской власти, надеясь на поддержку Запада. Этот контекст очень важен, чтобы понять, насколько различался исторический опыт литовцев и евреев в 1940-е

годы. Советская власть пыталась решить эти противоречия путем литуанизации военной памяти, где главной жертвой немецкой оккупации были этнические литовцы (Махотина 2020). Наследием советского дискурса стало исключение литовцев из ответственности за Холокост; когда же в 1990-е годы международное сообщество памяти об убитых евреях Европы стало требовать признания этой ответственности, реакцией посткоммунистической Литвы стало отторжение, неприятие и релятивизация. На это обвинение у Литвы был свой ответ: мы были жертвами коммунизма. Так, национальная самовиктимизация стала репликой Литвы на историческое просвещение, а советизация, понимаемая как «русификация», стала рассматриваться в ключе термина «геноцид», законодательно закрепленного в 1992 году.

Суботич показывает эту стратегию через предметы материальной памяти в музее-мемориале жертвам фашизма в Каунасе (IX форт) и музее геноцида/оккупации в Вильнюсе. Рассматривая экспозиции, она показывает, как визуальный язык Холокоста используется для закрепления у посетителя уверенности в советском геноциде литовского населения. Аффекты подачи материалов экспозиции ставят депортированных в Сибирь на одну ступень с замученными, погибшими от голода и уничтоженными евреями. Отрицание бывшими советскими республиками главы своей истории привело к инверсии памяти о Второй мировой войне, когда местных пособников нацистов стали чтить как героев антисоветского сопротивления. Аргумент Суботич – так же, как и Хирше-Довида Каца, чьи взгляды считаются в Литве неприемлемыми из-за своей радикальности, – состоит в том, что теория «двойного геноцида» (советского и нацистского, где советский первичен) служит «затуманиванию» (obfuscation) памяти о Холокосте. Холокост не отрицают, но релятивируют, представляя лишь одним из ужасных событий XX века.

Описывая литовский случай, Суботич не рассматривает мемориалы участникам антифашистского сопротивления в Литве во время Второй мировой войны. Это не случайно. Несмотря на международную известность еврейского антинацистского сопротивления Вильны и Каунаса, в сегодняшней Литве нет ни одного памятника или музея, посвященного еврейским партизанам ФПО (Fareinikte Partisaner Organizatzije, Объединенная партизанская организация) (Махотина 2020:169–198). Причина тому очевидна: как государство-член ЕС Литва не может представить евреев в негативном свете, но и в рамках национальной памяти представить их, сражавшихся вместе с советскими партизанами против немцев и их пособников, – тоже за пределами приемлемого дискурса. В Литве спрос на память о еврейском партизанском сопротивлении есть лишь у еврейской общины и советских ветеранов, что определяет статус антифашизма как маргинального дискурса.

Книга Суботич – честная и острая. Некоторые рецензенты характеризовали ее как «angry book», то есть разгневанную книгу (Judah 2020). Действительно, в ней считываются эмоции. Можно поспорить, насколько анализ памяти должен быть – или может быть – морально-нормативным и отвечать на вопрос «как надо помнить?». Аналитически-дескриптивный подход («кто, как, что и когда вспоминает или забывает?») более распространен в современных исследованиях тегоу

studies и более адекватен с научной точки зрения. Однако если брать адресата книги Суботич – широкую читательскую аудиторию, – то мне кажется, что ее эмоциональный заряд себя оправдывает. Ясный, не перегруженный теоретическими концептами, язык, множество наглядных примеров и отдельных биографий, а также личная семейная история Суботич – такой ее книга может быть прочитана многими, несомненно оставив глубокое впечатление своей исследовательской честностью и однозначным кредо, что уравнивание преступлений коммунизма и нацизма исторически неправильно и морально неприемлемо. Вклад Суботич в дискуссию о европейской памяти трудно переоценить, так как именно это видение отличает ее от современной публицистики и прочего медиаосвещения данной темы³.

Прошло уже целое десятилетие с тех пор, как Алейда Ассман ввела в обиход понятие «диалогичная память» (dialogisches Erinnern), призванное описать идеальное состояние европейской культуры памяти (Assmann 2011). Последнее обозначает ситуацию, когда нарративы официальной коммеморации настолько открыты, что способны интегрировать в себе страдания других, а рассказ о прошлом не является национально эксклюзивным, то есть не направлен на исключение сообществ с альтернативным взглядом на прошлое. Суботич апеллирует к солидарности и открытому диалогу о прошлом. И в то же время своей книгой она показывает, как далека еще Европа от этого идеала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Махотина, Екатерина. 2020. *Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы*. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.
- Alexander, Jeffrey C. 2004. "Toward a Theory of Cultural Trauma." Pp. 1–30 in *Cultural Trauma and Collective Identity*, ed. by Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernard Giesen, Neil J. Smelser, Piotr Sztompka. Berkeley: University of California Press.
- Assmann, Aleida. 2011. "Von kollektiver Gewalt zu gemeinsamer Zukunft: Vier Modelle für den Umgang mit traumatischer Vergangenheit." Pp. 25–42 in *Erinnerung und Gesellschaft: Formen der Aufarbeitung von Diktaturen in Europa*, ed. by Wolfgang R. Assmann and Albrecht Graf von Kalnein. Berlin: Metropol Verlag.
- Dieckmann, Christoph. 2011. *Deutsche Besatzungspolitik in Litauen 1941–1944*. Göttingen, Germany: Wallstein Verlag.
- Judah, Tim. 2020. "Yellow Star, Red Star." *Financial Times*, January 24. <https://www.ft.com/content/9014e11e-3c79-11ea-b84f-a62c46f39bc2>.
- Rothberg, Michael. 2009. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, CA: Stanford University Press.

---

³ См.: Декларация Европарламента 19 сентября 2019 г. On the Importance of European Remembrance for the Future of Europe. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html.